

О.А.Семенюк

Процесс переименований 90-х годов и его отражение в сатирическом тексте

Активные изменения в социально-политической жизни общества в последнее десятилетие XX века находят активное отражение в языке. Социальные преобразования имеют как глубинный характер - смену сущности политико-экономических реалий, так и поверхностный, заключающийся в смене названий, «словесных вывесок» государственных органов, учреждений, должностей и под. Смена идеологии провоцирует и переименования в области топонимии. В части случаев лексическая единица (неологизм, слово из пассивного запаса, заимствование), пришедшая на смену старому названию, имеет отчетливо выраженное семантическое отличие, которое воспринимается носителями языка. Иногда смена названий носит достаточно формальный политический характер и для рядовой личности является лишь изменением «словесной вывески». Далее будем употреблять термин переименования, подразумевая смену названий социальных институтов, государственных учреждений, должностей, географических объектов и под. Такая смена часто вызывает определенный социальный резонанс, неоднозначную реакцию членов общества, носителей языка. Из категории лингвистических «явлений» переименования переходят в разряд «проблем», являясь при этом одним из заметных аспектов обновления лексики современных русского и украинского языков в 90-е годы XX века.

боку консервативных инстинктов толпы. Толпа готова менять названия своих учреждений и иногда устраивает бурные революции для того, чтобы добиться такой перемены, но основы этих учреждений служат выражением наследственных потребностей расы, и поэтому толпа всегда к ним возвращается. Изменчивость толпы выражается только поверхностным способом; в сущности же в толпе действуют консервативные инстинкты, столь же несокрушимые, как и у всех первобытных людей. Она питает самое священное уважение к традициям и бессознательный ужас, очень глубокий, ко всякого рода новшествам, способным изменить реальные условия ее существования» [1:31]. Это утверждение периодически находит подтверждение и во всемирной, и в отечественной истории. Особенно заметна подобная тенденция в 80-90-е годы, как в переименованиях топонимических, так и административно-социальных.

Ход истории предоставляет нам наглядные примеры сохранения основ общественных институтов, без которых общество не представляет свое существование. Например: *Дума - Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов - Верховный Совет - Дума; Кабинет Министров; Совет Народных Комиссаров - Совет Министров - Кабинет Министров; Политическая полиция - ЧК - НКВД - МГБ - КГБ - ФСБ* и под. Сохранялись основные функции государственных органов управления, менялись их названия.

Общество, носители языка, писатели активно реагируют на смену «вывесок», но сохранение сущности, функций учреждений. Во многих сатирических произведениях подчеркивается эта черта периодов перемен.

«...Алло, «Мосфильм»? Из *ФСБ* беспокоят... Не знаете? *ФСБ* - это *КГБ!* *КГБ* не забыли еще?... Вот не советую...» (В.Шендерович Куклы-2. - М., 1998. - С.67);

«- Товаришу *перший секретар...* Тобто, даруйте, *пане губернаторе!* Ви, звичайно, вже бачили? - стурбовано запитав референт» (С.Ципін Безсмертний // Літературна Україна, 20.11.97).

Показательно, что в современном общении носители языка не утруждают себя запоминанием и употреблением новых названий учреждений, должностей и под., и употребляют уже «отмененные». Часто говорят: «идти в *облсисполком*», а не «в *обладминистрацию*»; «звонить в *КГБ*», а не «в *ФСБ* или *СБУ*» и т.п.

Специалисты, изучающие психологию коллективного поведения, отмечали, что если «после политических переговоров и перемен религиозных верований в толпе возникает глубокая антипатия к обрядам, вызываемым известными словами, то первой обязанностью настоящего государственного человека должно быть изменение слов. При этом он, разумеется, не должен касаться сущности вещей, так как эти последние слишком тесно связаны с наследственной организацией народа, чтобы их можно было изменить. Рассудительный Токвиль давно уже обращал внимание на то, что труды консульства и империи состояли главным образом в том, чтобы нарядить в новые слова большинство учреждений прошлого, т.е. заменить слова, вызвавшие неприятные образы в воображении толпы, другими, новизна которых мешала появлению этих образов. Так изменены были, например, названия налогов, хотя налоги и сборы остались, по существу те же» [1:64]. Яркие примеры в подтверждение этого положения предоставила Французская революция. Не осталось в стороне и наше время. Например, такой аспект, как топографические переименования (он, правда, не отражает всю проблему полностью). После Октябрьской революции по бывшей Российской империи прокатилась волна переименований, связанная: а) с необходимостью избавиться от символов царизма; б) с необходимостью «увековечивания» памяти новых советских лидеров (героев); в) с определенными пропагандистскими, рекламными целями и под.

Переименования 90-х годов преследовали и преследуют схожие цели: а) необходимость ликвидировать негативные, вызывающие отрицательную реакцию символы прошлой эпохи; б) возвращение исконных наименований (как символ перемен); в) увековечивание новых героев, событий; г) как проявление национального самосознания и самоопределения и под. Например: *г. Брежнев - г. Набережные Челны, г. Жданов - г. Луганск, г. Ленинград - г. Санкт-Петербург, г. Свердловск - г. Екатеринбург, пл. Октябрьской революции - пл. Независимости, пр-т Коммунистический - пр-т Б.Хмельницкого, ул. Горького - ул. Тверская* и др.

С.Московичи акцентировал внимание на важности того, чтобы смена названий не затрагивала важных мнестических следов, передающихся из поколения в поколение членами социума [4:354]. «... герої, великі сини і дочки. Вшануй пам'ять про них у назвах вулиць, майданів, парків, вузів...» (Олекса Вусик Лишаї // Літературна Україна, 15.05.97).

Переименования в период социальных преобразований - проблема не только и не столько лингвистическая. В ее основе лежат заметные социопсихологические факторы. Массовость, большое количество изменений в номинациях является определенным раздражителем для носителей языка. Особенно старших поколений, более консервативных, с устоявшимся мировоззрением и языковыми идеалами. Они, в отличие от молодежи, с осторожностью, более негативно воспринимают словообразовательные и лексические новации. А.А. Леонтьев, например, отмечал, что в 20-е годы представители дореволюционного поколения неодобрительно встречали и с трудом усваивали «новые» слова [2:64]. Реакция носителей языка, общества на те или иные изменения в лексике, языке, особенно имеющие социолингвистический характер, хорошо видна в художественных произведениях, наиболее ярко - в текстах сатирико-юмористических жанров. Это положение, например, можно проиллюстрировать известным сюжетом из романа И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок». В контексте, пусть и гротескно, но довольно показательно отражена реакция представителя старшего поколения, одного из «бывших», на новые слова (собственно - на новый стиль жизни), которые сменили привычные обозначения. Ср.: «Он, когда-то попечитель учебного округа, принужден был служить заведующим методологическо-педагогическим *сектором* местного Пролеткульта... Он возненавидел слово *«сектор»*. О, этот сектор! Никогда Федор Никитич, ценивший все изящное, в том числе и геометрию, не предполагал, что это прекрасное математическое понятие, обозначающее часть площади криволинейной фигуры, будет так опошлено... Знакомые говорили о хамских, по мнению Хворобьева, вещах: о *жалованье*, которое они называли *зарплатой...*».

Для иллюстрации некоторых положений этой статьи воспользуемся современными произведениями сатирико-юмористических жанров. Обладая определенной конъюнктурностью и гиперболизированностью, они в той или иной степени реально передают реакцию языковой личности (героя или автора) на многие активные процессы в языке последних лет - иноязычную экспансию, неологизацию, переименования и под.

В конце XIX века Г.Лебон, один из основателей и авторитетов социопсихологической школы, отмечал, что «трудно понять историю, и особенно историю народных революций, если не уяснить себе глу-

Отметим, что обратные переименования воспринимаются как символ социально-политических перемен и могут имплицитно обозначать смену политических, идеологических ориентиров. Например: «Егорка (вздыхая): Жаль, что кудрявый отказался! Говорит: хочу жить в *Нижнем!* Я ему говорю: не будет никакого *Нижнего!* Будет *Горький*, по Волге будет плавать агитпароход «Михаил Сулов», а ты будешь мыть полы в райкоме... Не верит!» (В. Шендерович Куклы-2. -М.,1998. - С.53).

Необходимо отметить, что иронию, определенное раздражение в обществе, у носителей языка вызывают не только крупные переименования или смены «словесных вывесок», но и, казалось бы на первый взгляд незаметные, малые переименования без изменения сущности, качества вещей. В современных сатирических произведениях часто пародируется, иронизируется факт смены названия контор, учреждений, других объектов из простых на более претенциозные без реальных на то оснований. Например: «У міському парку під строкатою розцяцькованою халабудою «*Дульсінея*» (колишне кафе «*Затишок*»), отруюючи ранкову свіжість димом паскудної «ватри», мирно бесідували два молодики» (Г.Шиян Музи під парканом // Літературна Україна, 5.10.95); «...А ви зайдіть у наше колишне кафе «*Левада*», яке тепер називається в ногу со временем «*Non stopka limited and tampax*» (В.Кривушанський Як іде розбудова держави? // К., 1998.-№3-4.-С. 174); «Ну что вы тут говорите, что после приватизации в нашем кафе ничего не изменилось! Мы даже название - и то поменяли. Раньше у нас при входе было написано «*Хлеб да соль*». Это было и название нашего кафе, и меню. А сейчас мы называемся красивым словом «*Петро*». И это полностью соответствует качеству наших блюд, поскольку весь третий квартал этого года мы работаем на тех продуктах, которые сэкономили в первом квартале. Прошлого года» (С.Кондратьев. Милости просим // Вокруг смеха, 09.98.)

Частота использования в ироническом, сатирическом контексте разнообразных оппозиций «старое - новое» наименование свидетельствует о том, что и социум, и отдельные носители языка достаточно неоднозначно относятся к проблеме, а в обществе нет единой оценки этого процесса. Будучи, в диахроническом аспекте, нормальным и естественным для языка явлением, в период активных социальных преобразований смена «словесных вывесок» приобретает массовый характер и неизбежно социализируется и политизируется.

Кроме того, отметим, что в переломные периоды (революции и под.) меняется и словесная картина мира, неотъемлемым и важным элементом которой есть различные наименования социальных институтов, должностей, географических объектов и под. А известно, что «смена общей картины мира в социуме может вызвать у индивида глубокое потрясение, если он не в состоянии вписать свое личное миропонимание в новую систему мировидения» [5:59].

Неоднозначная, обостренная реакция на смену названий имеет еще один весомый аспект, если рассматривать ее, принимая во внимание идеи Л.Ф.Лосева и П.А.Флоренского о магичной силе слова.

Названия, «имена» объектов в памяти поколений тесно переплетены психофизическими связями. И резкая, иногда необоснованная ничем, кроме конъюнктурных мотивов, смена номинаций имеет, по мнению профессора Лосева, непредсказуемые и сложные последствия в духовной сфере жизни социума [3:48].

П.А.Флоренский и его последователи акцентируют внимание на магической мощи личных имен. «...Наиболее высокой степенью синтетичности обладают из всех слов имена, личные имена... естественно думать, что на последующей после терминов и формул ступени магической мощи стоят личные имена» [6:265]. Если учесть, что, например, в основании многих топонимов, подвергшихся переименованию после революции 17-го и после перестройки, лежат личные имена, то, принимая во внимание это положение, становятся понятными и обостренная реакция, дискуссия в обществе по поводу топографических переименований, и долгое сохранение в речевом употреблении их «старых» вариантов. Так, в обиходном общении долго говорили не Ленинград, а Петербург, Питер. Быстро восстановились и вновь стали привычными в речи возвращенные названия городов Луганск, Мариуполь, Екатеринбург и др., а их послереволюционные имена быстро стираются из коллективной памяти. В то же самое время не все перестроечные и послеперестроечные неологизмы конъюнктурного характера в сфере топонимии усваиваются носителями языка. Общество реагирует на искусственный характер таких лексических единиц, пародируя их. Ср.: «Иван Денисович пересек *Площадь Крутого Перелома* и вышел к памятнику *Жертвам Застоя*» (В.Пустовойтов. Час как час // Юность. - 1993. - № 4. - С. 92).

1. Лебон Г. Психология масс // Психология масс. Хрестоматия. - Самара, 1998.
2. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. - М., 1969.
3. Лосев Л.Ф. Философия имени. - М., 1990.
4. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр. -М.,1998.
5. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А.Серебренников, Е.С.Кубрякова, В.М.Постовалова и др. - М., 1988.
6. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // П.А.Флоренский Собр. соч. - М., 1990. -Т.2.